

К 70-ЛЕТИЮ АННЫ БОРИСОВНЫ ЛЕОНОВОЙ

ПСИХОЛОГИЯ В МОЕЙ ЖИЗНИ: ИНТЕРВЬЮ С А.Б. ЛЕОНОВОЙ

О.Г.Н.: Анна Борисовна, научная общественность знает Вас как ученого, специалиста в области экспериментальной когнитивной психологии, психолога труда, разработчика оригинальной концепции стресса, различных методов для оценки функциональных состояний, лектора по курсам психологии труда, инженерной психологии и эргономики, психологии стресса, психологии профессионального здоровья, организационной психологии и др. Хотелось бы, чтобы читатели журнала «Вестник Московского университета. Серия 14. Психология» могли ближе познакомиться с Вами как с исследователем и личностью. Интересно было бы узнать о Вашем детстве, Вашей семье. Это — первый вопрос.

А.Б.Л.: Мне посчастливилось родиться в очень большой семье. Мои родители встретились и полюбили друг друга на первом курсе географического факультета МГУ, который они окончили в 1942 г. по специальности «геология». Они прошли суровую школу жизни: во время войны составляли специальные геологические карты для танковых колонн, а после войны, работая в тресте «Аэрогеология», ездили в экспедиции в Сибирь, были первооткрывателями якутских алмазов. Первого ребенка (старшую сестру) они родили в 1944 г., на фронте. А потом родили еще четырех дочерей. Нас всегда в школе дразнили: «Пять сестер и все девочки». Родители считали, что все их дочки обязательно должны учиться в Московском университете, неважно, по какой специальности. Они говорили, что в любом случае МГУ дает лучшее образование в стране и хороший импульс к тому, чтобы, идя по жизни, думать о профессии как о части своей жизни и содержательно работать,

Беседу вела **Ольга Геннадьевна Носкова** — доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии ф-та психологии МГУ имени М.В. Ломоносова.

не забывая, конечно, о семье. И мы все окончили наш университет: одна сестра — археолог, доктор наук; вторая сестра — палеонтолог, доктор наук; третья сестра — я — психолог, доктор наук; четвертая сестра — микробиолог; пятая сестра — географ, уже прошла предзащиту докторской диссертации. Таким образом, установки наших родителей реализовались и главное, что они реализовались полноценно также и в плане личной жизни. У всех нас большие семьи, много детей, и содержательная работа, все заняты творчеством, все работают либо в университете, либо в академических институтах, заведуют лабораториями. Это — достижения той большой семьи, в которой мы выросли. Кстати, и дед, и прадед, и все, кто носил фамилию Леоновых со стороны моего отца, тоже были выпускниками Московского университета, специалистами в разных областях. Поэтому сомнений относительно того, в каком вузе я буду учиться, у меня не было.

О.Г.Н.: Как был выбран Вами факультет психологии?

А.Б.Л.: Я окончила среднюю школу в 1966 г. Это был сложный год, тогда в вузы поступал двойной выпуск — из 11-х и 10-х классов. У меня была золотая медаль, я могла выбирать факультет... Но не знала, куда лучше пойти. То ли на геологию и географию (по стопам родителей), то ли на историю и филологию (по стопам деда).

Где-то в апреле—мае появились объявления в разных журналах, что в МГУ открывается факультет психологии. Что такое психология, никто не знал, и это было как-то привлекательно. И я подала документы и поступила на этот факультет.

О.Г.Н.: Кто из преподавателей факультета оказал особенное влияние на Ваше развитие в студенческие годы?

А.Б.Л.: У нас были уникальные преподаватели. Лекции нам читали Алексей Николаевич Леонтьев, Александр Романович Лурия, Петр Яковлевич Гальперин, Александр Владимирович Запорожец. Это были люди, которые подняли из руин, восстановили отечественную научную психологию. Они проявили себя как уникальные специалисты в годы войны, во время проведения реабилитационных работ с ранеными в эвакуогоспиталях в Предуралье. И они же, занимаясь преподаванием, вкладывали в наше обучение всю свою душу.

Они нас знали каждого в лицо, с каждым беседовали. А.Р. Лурия жил неподалеку от факультета и приглашал нас к себе на семинар домой. С А.Н. Леонтьевым и многими ведущими психологами

(А.В. Запорожцем, А.Р. Лурия, П.Я. Гальпериним) мы фактически каждый год бывали в летних психологических школах. Прямое общение с такими людьми оказало влияние не только на наши позиции в науке, но и на мировоззрение, общую культуру, на отношение к изменениям, которые происходили в стране. Ведь советский уклад в 1960—1970-е гг. был подготовкой к будущей «перестройке» конца 1980-х. И в то же время приоткрылись границы в мир, появилась возможность публиковаться в зарубежных изданиях, чего не было раньше. И мы все были перенасыщены этими новыми возможностями. Мы общались с людьми, которые прошли постепенную трансформацию социалистического устройства, такой очень консервативной, жесткой системы, они очень помогли нам сориентироваться, научиться принимать эти изменения как должное, естественное, и не просто адаптироваться, а находить там свое место. Они нам демонстрировали, что психология может быть делом жизни. И в этом смысле все они оказали на нас особенное влияние.

О.Г.Н.: Я хотела уточнить о деле жизни, как оно начиналось и в чем состояла Ваша дипломная работа?

А.Б.Л.: Когда на 3-м курсе встал вопрос о том, чем прицельно заниматься, я выбрала кафедру детской психологии. Моим научным руководителем был Петр Яковлевич Гальперин. К нему присоединился Николай Николаевич Нечаев. Исследования мои были связаны с формированием понятий, счета у детей с нарушениями речи. Я работала в школе-интернате для детей с нарушениями слуха и речи. Познакомившись с ними немножко, я поняла, что для того, чтобы ребенок мог спокойно чем-то заниматься, он должен быть умыт, одет и накормлен. Поэтому я всегда привозила своим «испытуемым» какие-то гостинцы (печенье, конфетки и др.). Сначала завязывала бантики, мы немного общались, а затем вполне успешно формировали понятия счета, умственные действия. П.Я. Гальперин сначала удивлялся, а потом был в восторге от результатов и спрашивал: «Как тебе удалось за два месяца сделать из них полноценных учеников в плане усвоения базовых основ?» На самом деле эти дети в первом классе хорошо владели простыми операциями сложения, вычитания и умножения, легко позиционировали свои знания в решении разных задач. Но им не хватало чего-то, близкого к семейной заботе.

Завершая дипломную работу на кафедре детской психологии, я уже понимала, что это не моя стезя.

О.Г.Н.: *А что было после окончания факультета? Расскажите об аспирантских годах. Как рождалась Ваша кандидатская диссертация?*

А.Б.Л.: В 1970 г. на факультете открылась кафедра психологии труда и инженерной психологии. Ее заведующий — Владимир Петрович Зинченко — читал нам курс инженерной психологии и эргономики, в которых я тогда мало понимала. Сразу после госэкзамена по общей психологии Владимир Петрович подошел ко мне и предложил пойти к нему в аспирантуру. Я говорю: «А чем заниматься?» — «А чем ты хочешь?» — «Не знаю». — «Тогда будешь заниматься утомлением». Я поступила на эту кафедру скорее случайно. Но наше общение с В.П. Зинченко на летних психологических школах позволило мне понять, что психология труда и инженерная психология — это та область, которая интегрирует и теоретическое знание, и методологию. Главное, что она имеет отношение к жизни большого количества самых разных людей разных возрастов и разных групп, разной направленности и даже людей с отклонениями в поведении или в психическом развитии. Поэтому я как-то спокойно сразу восприняла это предложение.

Как мы учились в аспирантуре? У нас не было своих книг, мы сидели до ночи в Горьковской библиотеке. К семи утра нужно было выезжать, встраиваться в очередь, хватать книжку, вовремя ее отдавать... Так что представить себе, что такое утомление, было нетрудно. Но было очень интересно, потому что работы инженерно-психологического, эргономического профиля соответствовали таким вызовам времени, как автоматизация, возникновение новых средств труда, появление операторских профессий в 1950—1960-е гг. И мы туда включались. Мы понимали, нутром чувствовали эти перспективы.

Тематика моей кандидатской диссертации «Влияние утомления на микроструктуру процессов в кратковременной памяти» (защищена в 1974 г.) была очень востребована. Нужны были тесты на оценку изменений в структуре процессов кратковременной памяти, когнитивные и структурные модели, которые можно использовать как базу для диагностики и состояний, и эффективности деятельности. Здесь использовалась и классическая психология, что тоже очень важно, и исследование профессий, и создание методологического аппарата для изучения взаимодействия человека и машины (как тогда называлось, теперь это проблема «человек—интерфейс»).

Как раз в то время под руководством Юрия Константиновича Стрелкова начинались первые исследования, связанные с экспери-

ментальным обоснованием методического аппарата для работы в реальных условиях на уровне использования современной техники, вычислительных машин еще первого поколения. Нужно было сделать методический инструментарий для оценки работоспособности. Нужны были полноценные тесты, но психодиагностики как таковой в Советском Союзе тогда фактически еще не было. Из работ В.П. Зинченко и Ю.К. Стрелкова к нам проникали материалы исследований по когнитивной психологии, а я использовала модель микроструктуры познавательных процессов и параллельно адаптировала ее для выявления стратегий переработки информации, в особенности при разных типах состояний, в частности при состоянии утомления. Мы работали на компьютеризованном комплексе «Днипро-1», всегда по ночам, с вечера до утра. И наши испытуемые, и мы сами находились в основном в состоянии утомления (начального, острого, некомпенсируемого). Инженеры, которые нам помогли, взяли написание программы, чтобы тестирование можно было проводить на компьютере. Но полноценно реализовать их программы не удалось. Мне пришлось выучить машинный язык и самой написать программу для этих тестов.

Это было непросто. Но я получила очень полезный опыт и поняла, что психолог-исследователь должен сам участвовать во всех процессах создания и верификации методических средств, потому что только он хорошо понимает ту задачу, которую ставит. Это важно для создания не только самой задачи, но и процедур тестирования, сбора материалов, выбора индикаторов, их интеграции и т.д. Это, по сути дела, и определило дальнейшее направление моих разработок.

О.Г.Н.: Как складывалась Ваша научная биография после защиты кандидатской диссертации, какие направления исследований и события представляются особенно интересными и важными?

А.Б.Л.: Результаты наших исследований оказались полезны для кафедры, на которой я осталась после окончания аспирантуры. Мы выполнили несколько госзаказов и огромное количество хоздоговоров. Работали и на космос (в течение 8 лет), и в микроэлектронной промышленности (с операторами-микроскопистками, которые паяют схемы), и с управленческим персоналом, и с инженерами. Тогда мне стало понятно, что существует целая палитра состояний трудящегося человека. В одном утомлении можно найти и зрительное утомление, и позна-тоническое, и когнитивные аспекты, и эмоциональные компоненты. То есть, когда ты работаешь для

живых людей, на них автоматически распространяется спектр не только научных интересов, но и других задач, под которые нужно проводить исследования, в которых в свою очередь появляется новая психологическая проблематика. И именно по этому поводу была написана наша совместная с В.П. Зинченко и Ю.К. Стрелковым книжка «Психометрика утомления». Она вышла в 1974 г., а в 1975 г. была издана на английском языке.

В это время к нам стали приезжать западные ученые, и мы тоже получили возможность ездить за рубеж. Сначала мы контактировали в Москве с группой психологов Тилбургского университета (Голландия), в частности с Робертом Ру — знаменитым психологом (к сожалению, он рано ушел из жизни). Потом меня пригласили к ним в Тилбург. Тогда в Голландии была очень продуктивная среда, которая интегрировала работы исследователей таких стран Западной Европы, как Франция, Швеция, Финляндия, Германия. Потом это переросло в участие в Международной Ассоциации Прикладной Психологии (IAAP), Европейской Ассоциации Психологии Труда и Организационной Психологии (EAWP&OP). Тут мне очень пригодилось умение говорить и грамотно писать по-английски. Благодаря этому удавалось донести до зарубежных коллег мысль о том, что психология труда — это не некая частная практико-ориентированная дисциплина, а базовая наука, промежуточная между теоретическими и методологическими прикладными разработками, обладающая концептуальным аппаратом и конкретным методическим арсеналом. Ее менталитет направлен на решение социально важных задач.

О.Г.Н.: *Чему была посвящена Ваша докторская диссертация?*

А.Б.Л.: Моя докторская диссертация «Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний» (защищена в 1989 г.) была связана с разработкой общего подхода к анализу разных видов функциональных состояний, которые могут присутствовать в труде, с разработкой методологии, концептуального аппарата, методических средств, но не только для диагностики этих состояний, а и для создания полноценных средств их оптимизации. Студенты интересовались этой тематикой, потому что они видели, насколько живо мы (их преподаватели) были включены в дело. Это было действительно интересно. Структурно-интегративный подход к анализу функциональных состояний предполагал объединение традиционных последовательных этапов: диагностики, обобщения, полноценного расчета показателей. Пришлось несколько томов ма-

тематической статистики освоить, и это стало естественной базой того, чтобы эти исследования продолжались.

О.Г.Н.: *Как возникла лаборатория психологии труда, которой Вам пришлось руководить?*

А.Б.Л.: Как раз в конце 1980-х гг. стало понятно, что это направление исследований признано и востребовано как в отечественной, так и в зарубежной науке. Тогдашний декан факультета психологии МГУ Евгений Александрович Климов поддержал идею создания на факультете специализированной лаборатории психологии труда. С момента открытия в 1992 г. она существует как отдельное подразделение факультета. Сейчас эту лабораторию современной психологии труда, наверное, следовало бы переименовать в лабораторию когнитивной эргономики и организационной психологии.

Более того, я думаю, что и нашу кафедру имело бы смысл переименовать в кафедру психологии труда и организационной психологии. Такое название, во-первых, соответствовало бы той тематике, которая нами сегодня активно разрабатывается, и, во-вторых, создавало бы притягательный имидж кафедры как для студентов, так и для потенциальных заказчиков, потому что сейчас организационное консультирование, связанное с самыми разными аспектами функционирования современных предприятий, фирм, офисов, служб, достаточно востребовано практикой.

О.Г.Н.: *Какие направления, проблемы организационной психологии представляются Вам особенно важными и перспективными?*

А.Б.Л.: Мир организаций сейчас сложен, он дифференцируется и меняется, появляются интернет-организации, цифровые средства ведения организационных процессов. Главная тема разработок сейчас (и на кафедре и в лаборатории) — «Человек как субъект труда в цифровом обществе». Это — вызов времени. Цифровая среда — это теперь естественная среда. 20 лет назад мы в основном занимались экологией, говоря о среде, эргономикой, решая вопрос о том, как компоновать рабочую среду и какие вредные воздействия она оказывает на деятельность. А сегодня возникла сильная потребность связывать проблематику состояний, возникающих у работающего человека, с актуальными для социума вопросами, то есть изучать не просто «профессиональное здоровье», а «профессиональное и психическое здоровье и благополучие работника». Что сейчас у нас на первом месте среди профессиональных заболеваний? Болезни зрительного аппарата.

О.Г.Н.: *А как с болезнями сердца и сердечно-сосудистой системы?*

А.Б.Л.: Болезни сердечно-сосудистой системы традиционно занимают первые места, и это естественное следствие высокого уровня напряженности деятельности. А напряженность — это показатель вкладывания ресурсов человека, которые он должен когда-то восстанавливать. И во многих современных видах труда именно восстановление является зоной серьезного дефицита. Напряженность, безусловно, связана с невероятно динамично меняющейся средой, постоянными преобразованиями (и техническими, и технологическими) и требованиями к личной жизни и качеству жизни (мы же должны быть не хуже других!). Во многих заявках со стороны разных организаций востребовано изучение качества жизни с точки зрения удовлетворения всего спектра потребностей, которые человек должен удовлетворять, будучи включенным в такой-то вид профессиональной деятельности или в такой-то вид организационных структур.

А как определить качество жизни, как определить психическое здоровье с точки зрения исследования не медиков, а психологов? Огромные национальные и международные конгрессы проводятся по этому поводу. Конечно, предстоит разработка не только общей, но и конкретной методологии, которая лежит в основе создания полноценных методических средств.

Сейчас мы разработали две технологии — систему интегральной оценки и коррекции стресса (ИДИКС) и методику индивидуальной оценки стресс-резистентности (ИОСР). Они очень хорошо восприняты в практике. Например, в 2018 г. методика ИДИКС вышла в Санкт-Петербурге в издательстве «Иматон» уже третьим изданием, но тиражей не хватает.

Наши разработки востребованы, потому что речь идет о целостном качестве. Совсем не обязательно, что индивидуальная устойчивость к стрессу зависит от темперамента, или экстраверсии-интроверсии, или от строго определенного набора копинг-стратегий. А важно то, как — конструктивно или деструктивно — человек будет видеть и относиться к ситуации, компенсируя, может быть, какие-то свои генетические недостатки, например базовый высокий уровень тревожности (как сензитивности).

Психологи должны заниматься конкретными людьми, а не отдельными объектами, фрагментами, когнитивными процессами, эмоциональными процессами, зрением, слухом, обонянием и т.д. Без людей, без практики наука нежизнеспособна.

О.Г.Н.: *Анна Борисовна, еще один, последний вопрос. Вот Вы — счастливая женщина, состоявшаяся и в профессии, и в семье. Как Вам удалось совместить эти сферы жизни?*

А.Б.Л.: Я бы никогда не задала себе вопрос о том, как мне удастся что-то совмещать. Во всех моих публикациях начиная с конца 1980-х гг. главный термин — интеграция. Мы с моим мужем, Борисом Митрофановичем Величковским, и с нашими двумя детьми занимаемся общим делом. Дочь окончила институт иностранных языков, кандидат психологических наук; сын окончил Берлинский университет, лингвист, занимался психосемантикой, докторскую диссертацию защитил по психологии. Видимо, все это — и хозяйство, и воспитание детей, и работа в науке, когда они органично сплетаются, — получается гармонично.

О.Г.Н.: *Анна Борисовна, спасибо Вам большое за содержательную беседу. Желаем Вам здоровья, творческих успехов и хороших учеников!*

7 декабря 2018 г.